

РАССКАЗЫ

ОТЕЦ

Отец был скромным рядовым инженером и никогда не высовывался. Возможно, это спасло ему жизнь до войны. Единственный раз, когда он высунулся, так это из окопа в 1942 году, чтобы выстрелить из своего ПТР в гусеницу немецкого танка. Это тоже, наверное, спасло ему жизнь. Гусеница слетела, танк завертелся на месте. Через верхний люк стали вылезать немецкие танкисты. Первого уколошили беспорядочной стрельбой, второй, вылезая, поднял руки. Отец заорал: «Не стрелять, возьмем пленного!» Немец так с поднятыми руками и скатился по броне в объятия полудохлых солдат батальона выздоравливающих. Его тут же уволокли в окоп, подвесили пару невразумительных плуш для острастки, перевязали руки за спиной его же брючным ремнем, посовещались, кому его в тыл тащить. «Ну, раз Березин танк подбил, пускай и ведет с сержантом.»

И они втроем поползли в штаб батальона. В то время пленные попадались редко, тем более из подбитого танка, и это событие стало явлением батальонного масштаба. Когда они то ползком, то на четвереньках и на самом последнем участке уже в полный рост добрались до штаба батальона, там их уже ждали. Капитан велел немца слегка помыть, почистить, положил перед собой его документы и сказал:

– Надо бы провести первичный допрос. Эх черт, никто языка не знает. Да и я подзабыл.

Однако поднапрягся и, глядя немцу в глаза, строго спросил:

– Анна унд Марта баден, вир фарен нах Анапа?

Немец обомлел от ужаса и запричитал:

– Найн, найн. Анна унд Марта нихт фарен нах Анапа цум баден!

Возможно, он испугался, что с ним говорят каким-то шифром, имея в виду немецкое наступление на Кавказ. Капитан явно обрадовался:

– Понимает, шельма, ишь как испугался! Тут бы его и опросить, пока он еще тепленький. Солдат Березин снова высунулся.

– А вы спросите товарищ капитан!

– Как же я спрошу? Я кроме «Анны с Мартой» и «хэнде хох» ничего не помню. Немец вздернул руки вверх.

– Да опусти, ты. Это я так, к слову. Варум, дарум, вифель урен.

Немец с готовностью отстегнул ручные часы и протянул капитану.

– Вы его спросите по-русски, а я попробую перевести, – снова встрял настыр-ный солдат.

Капитан недоверчиво посмотрел на него. Маленького роста, тощий, сутулый, с горящими глазами, только что из стационара для дистрофиков. Солдат ему явно не понравился. «Но танк ведь подбил, с двадцати метров, как учили. Может, он и в школе хорошо учился и что-нибудь помнит». И капитан стал задавать вопросы, солдат без запинки переводить, а немец отвечать. Через полчаса капитан исписал уже полблокнота. Позвонили из штаба полка:

– Твою мать, что вы там с пленным делаете, почему не ведете?

Капитан говорит:

– Снимаем допрос, пока тёплый. Уже полблокнота заполнили.

- У тебя же переводчика нет, или он по-русски говорит?
- Он говорит только по-немецки, а переводчик у меня бронейщик из дистрифов, который танк подбил. Он по-немецки чешет – вашим так и не снилось.
- Давай их обоих сюда, живо! Солдата-то покормите, чтобы по дороге не откинулся.
- Покормите... у нас у самих только суп рататуй, по краям картошка, а в середине – сам знаешь.

И они потопали в штаб полка. Пленный, солдат Березин и двое конвойных. В штабе полка после допроса солдату сказали:

– А ты останешься у нас, нечего тебе там в окопе грязь месить. Будешь у нас служить в разведроту. Отправляйся к капитану Погибе, он тебя к настоящему делу приставит. И солдат отправился по новому месту службы в разведроту. Ротой командовал кадровый военный из кубанских казаков. «Академиев» он не кончал, что, возможно, спасло ему жизнь во время армейского погрома конца 30-х, но разведчик он был от бога. На Ленфронте половина «языков» приходилась на роту капитана Погибы. Если бы не его сомнительное происхождение из старинной казацкой семьи, то был бы он уже полковником и командовал бы разведотделом корпуса или армии, а так остался с самого Халхин-Гола капитаном. Почему-то он обрадовался новому бойцу так, как будто ему не доходягу из батальона выздоравливающих прислали, а самого наипервейшего снайпера. Он представил солдата личному составу и сказал:

– Батю беречь, кормить от пуза, в караулы не ставить, чего попросит – достать из-под земли, а когда подкормится, обучить стрельбе из всех видов трофейного оружия. Он, между прочим, танк с двадцати метров один подбил. Не каждый может.

Разведчики сочувственно посмотрели на батю, похлопали по тощому плечу, по костлявой спине.

У солдата Березина началась новая жизнь. Скоро у него появились справные хромовые сапоги вместо грубых кожмитовых ботинок с обмотками, которые прилипали к еще не зажившим язвам. Ушили по его размеру комсоставовскую гимнастерку, вместо мосинской берданки 91/30 дали ППШ, а вскоре дополнительно и трофейный шмайсер. Понемногу он осваивал и азы профессии. Учился кидать из любых положений немецкий штык-нож, стрелять в темноте на звук или на вспышку. Но главным занятием было освоение немецких радиопередатчиков различных систем. Целыми днями он сидел с радисткой роты Аннушкой и перестукивался с ней без выхода в эфир, отрабатывая свой почерк. Время от времени разведчики уходили на задание, иногда возвращались с языком, иногда сами теряли товарищей на той стороне или при переходе через линию. Капитан Погиба обращался временами к отцу:

– Ну, что, Батя, осваиваешься? Скоро найдут тебе напарника, тогда будет и твой черед.

Напарник нашелся, черед наступил. Напарник и отец никогда не встречались, никогда не видели друг друга, только слышали. Напарник сидел где-то в штабе армии, и отец переговаривался с ним по телефону на немецком языке. Говорили они, в основном, на бытовые фронтовые темы. Каждый из них по роли занимался вопросами снабжения: фураж там, ГСМ, реквизиция грузового транспорта у местного населения, рационы, обмундирование, всё – вплоть до гуталина и жировой смазки кожаных ранцев. Скоро они должны были вести свои разговоры уже в эфире, а не по защищенному телефонному каналу.

Ранней весной группа разведчиков из роты капитана Погибы направилась в глубокий немецкий тыл.

Как это всё делается, мы знаем по литературе, по замечательному кинофильму «Звезда», по другим источникам, но дальний поиск в постановке капитана Погибы,

по-моему, не был описан. Во-первых, разведчики, отправляясь в тыл, не имели ни единой вещи советского производства. Оружие, одежда, рация, сигареты, спички – всё было трофейное. У них не могло быть такой оплошки, как убить советским ножом, пули от ППШ, окурка «Беломора». Всё было натуральное, из Фатерлянда. Встречи с местным населением были категорически запрещены. В случае неожиданных контактов несчастные очевидцы подлежали уничтожению независимо от пола и возраста. При захвате пленных, преимущественно офицеров или рассыльных, их не тащили через линию фронта, а проводили опрос на месте и результаты сообщали открытым текстом на немецком языке, на немецких частотах в штаб армии. Вот тут-то отец и его далекий напарник могли вдоволь наговориться на условном языке о шнапсе, тушенке, подковах, лопатах и понтонах. Разведгруппа, работающая в немецком тылу на морзянке, – обречена. Пеленгаторы находят рацию максимум за три дня. Открытая немецкая речь, пересыпанная отборным матом, и переругивание с ближайшими станциями могли дезориентировать пеленгаторов на некоторое время, особенно в период неразберихи, возникающей во время передислокаций, а это и было время разведывательных операций.

Обо всем этом я узнал уже после войны, когда отец демобилизовался и на девятое мая 1947 года была назначена встреча фронтовых друзей в Ленинграде. В этот вечер все должны были собраться у нас на квартире. Мамаша сказала:

– Ну и прекрасно, я сварю крышон и испеку в чудо-печке шарлотку.

Отец мрачно посмотрел на неё и буркнул:

– Какой крышон, какая, к черту, шарлотка! И, обратившись ко мне, приказал:

Купишь шесть бутылок водки, нет, семь, на всякий случай, коньяк, десертного вина для Анны Прохоровны, она водку не пьет. А ты, – обратился он к матери, – запечешь в духовке окорок и приготовишь закуски.

– Водка? – закричала мамаша. – В нашем доме никогда не было водки! Фу, какая гадость, у нас и водочных рюмок нет.

– Кстати, – сказал отец, – купи комплект рюмок, двенадцать штук, на свой вкус.

Вообще говоря, меня всегда удивляли такие претензии мамыши на аристократизм. Родилась она в семье боцмана невского дебаркадера, и боцманы, как известно, крышоны не пьют. Дедушка исключением не был. Главным инструментом воспитания в семье был шпандырь. Насколько я понимаю, это какой-то специальный ремень. Так что особенных нежностей в семье не было. Я думаю, что все эти крышоны и шарлотки пришли уже гораздо позже, в разгар нэпа, когда мамаша на разных курсах познакомилась с осколками разбитого вдребезги старого общества и поднабралась от них манер и выражений.

Девятого мая к семи часам у нас собрались гости, большинство было в мундирах с наградами. Командовал парадом полковник Погиба. Он только что получил генеральскую должность и ожидал свою первую генеральскую звезду. Отец хотел посадить его во главе стола, но полковник сказал:

– Нет, сегодня мы в гостях у Бати. Он хозяин, и сегодня мы воздадим ему должное. Только пусть место рядом с ним никто не занимает. Это место его напарника. Они никогда не встречались, и я думал, что сегодня они, наконец-то, встретятся, но он умер от инфаркта на прошлой неделе. И он еще с нами, нальём и его рюмку.

И они налили. Они никуда не торопились и вспоминали... Полковник наклонился ко мне и спросил:

– Отец ведь, наверно, тебе ничего не рассказывал – и не расскажет. Из него ведь клещами не вытащишь. Так вот, сиди и слушай.

Истории, которые они рассказывали, были, в основном, смешными. Можно было подумывать, что они сильно веселились там, в разведке. Особенно смешной

была история, как отца вызвали в штаб Черняховского для допроса немецких генералов, и пришлось ему срочно присваивать офицерское звание, которое приобрести было никак невозможно, потому что у отца не было никакого военного образования. Тогда ему присвоили звание «офицер без звания». Полковник, вручавший офицерскую книжку, сказал ему:

– Берегите её как зеницу ока, она еще вам сможет пригодиться, потому что в нашей армии сотни тысяч офицеров, тысяча генералов, даже маршалов всех родов наберется с дюжину, а в звании «офицер без звания» вы, наверно, один на всю Красную Армию.

Ему выдали шинель полковничьего сукна и отправили к Черняховскому. Он пробыл там до самой смерти командующего и был в нескольких шагах от него, когда раздался взрыв. Генерал армии был убит, а «офицер без звания» контужен и еще долго валялся по госпиталям, пока, наконец, не вернулся к своим боевым товарищам.

Во всей этой истории неясно только одно: где это он так наострился говорить по-немецки. Неужели в школе, или, вернее сказать, в Киевской первой гимназии, которую он окончил с золотой медалью в 1915 году? Конечно, нет. В гимназии училось много достойных людей. В одном классе с ним учился Константин Паустовский и некоторые знаменитые, потом забытые деятели революции. Все учили иностранные языки, но отец как круглый пятерочник знал их не только лучше своих сверстников, но и все свободное время тратил на изучение немецкого – главного языка науки и философии. Его единственным приятелем в гимназии был сын немецкого колониста Михель Вернер. Вернер-старший очень хотел, чтобы Михель поступил в Киевский политехнический институт и стал инженером-механиком. Большое хуторское хозяйство требовало своего инженера. У Михеля были трудности с точными науками, отец занимался с ним все зимы, а летом отправлялся на хутор, где отводил душу в разговорах по-немецки с Вернером-старшим в его богатой библиотеке.

К окончанию гимназии Михель получил свои твердые четверки по нужным предметам, а отец говорил по-немецки с едва заметным саксонским акцентом.

С разведгруппой он уходил в дальний поиск пять или шесть раз, и за все время их ни разу не засекали, и он не был ни разу ранен. Свою единственную тяжелую контузию он получил в штабе Черняховского. Никто из его сослуживцев по батальону выздоравливающих не дожил до конца войны. Большинство погибли на Невском пятачке и при прорыве блокады. Так, казалось бы, бесполезное знание иностранного языка помогло ему сохранить жизнь и пройти всю войну в рядах настоящих солдат-разведчиков.

В тот вечер полковник Погиба сказал:

– Батя на фронте никогда не пил водки, считал, что даже глоток понижает боеспособность, и обещал, что выпьет с нами после войны. Этот момент настал: исполняйте обещание, товарищ офицер.

И отец взял стопку водки, выпил ее не торопясь и, к ужасу мамыши, заел соевым огурцом и крякнул. Полковник Погиба полез целоваться.

Отец умер в 1973 году от инсульта. Из фронтовых друзей на похороны пришла только Анна Прохорова с сыном – капитаном Погибой. Остальных разметала послевоенная жизнь, а многие ушли еще раньше.

СТАРШИНА ЩЕРБИНА

После окончания четвертого курса нас, военнообязанных студентов физфака, отправили в летние лагеря для прохождения практики перед присвоением офи-

церских званий. Тогда, в 1950 году, товарищ Сталин был еще жив и товарищ Берия еще не знал, что жить ему осталось только три года, и во всем был полный порядок. Студенты в летних лагерях считались призванными в армию на 30 дней, гражданская юрисдикция на них не распространялась, и за разные провинности они могли привлекаться к военному суду, направляться в штрафбат и так далее, вплоть до высшей меры. Но для студентов высшей мерой казалось отчисление из университета и прохождение полного срока службы – в пехоте четыре года и во флоте пять лет. Один из наших коллег, отчисленный с третьего курса, уже ломал службу в одном из стройбатов на севере, и по его письмам мы хорошо себе представляли, что теоретическая механика в Ленинграде гораздо лучше, чем строительная механика в Анадыре. Кроме того, на военной кафедре нас лишней раз предупредили, что на 30 дней мы не студенты, а солдаты, и наш отец не декан, а старшина роты, который может объявить вплоть до пяти нарядов или накапать такую телегу, что вовек из грязи не вытащишь.

С тем мы и поехали в Лугу в летние лагеря прославленного Артиллерийского училища. Для меня это было как бы возвращение в детство, в мою спецшколу ВВС. Военная форма, кирзовые сапоги, портянки, построения, строевая подготовка утром и вечером, бодрые песни на марше, сон в дырявых и продуваемых палатках под комариный звон. Но для многих лагерная жизнь оказалась шоком. Нет, среди нас не было особенных неженков, и все прошли войну с ее тяготами и неустроенным бытом, но для тех, кто не знал казармы, испытание оказалось серьезнее, чем они ожидали.

Неприятности начались сразу же на другой день после приезда, после того, как мы облачились в выданное обмундирование БУ третьего срока. Старшина роты Щербина построил нас, скомандовал «смирно» и стал каждого внимательно разглядывать. На его выразительном лице заправского старшины блуждало выражение нескрываемого презрения. Половина была в очках, что само по себе вызывало отвращение. У некоторых нечесаные лохмы торчали из-под пилоток, гимнастерки нависали над пузом, тонкие и кривые ножки наших главных умников болтались в разношерстных кирзовых сапогах. И вот из этих недоносков старшине Щербине предстояло сделать храбрых солдат и подготовить их к получению офицерского звания через месяц. Сам старшина готовился стать лейтенантом только на будущий год. Он ткнул пальцем в одного особенно кучерявого и рявкнул:

– Фамилие!

Кучерявый прокричал в ответ:

– Безверхний!

– Без чего? – удивился старшина.

– Не без чего, а студент Безверхний.

– Я тебе покажу «студент», – обозлился еще больше старшина, – здесь ты не студент, а годный необученный. Без чего ты там, повтори!

И Эмиль Безверхний, чуть не плача от стыда и унижения, повторил:

– Негодно обученный Безверхний!

Я подумал: сейчас начнется.

– Рядовой Безверхний, выйти из строя!

Эмиль сделал шаг вперед с правой ноги, забыв, что в армии все начинается слева.

– Становитесь в строй!

Эмиль попятился назад и встал на прежнее место. А надо было повернуться кругом, сделать шаг вперед с левой ноги, встать на свое место и снова сделать поворот кругом.

– Так, – сказал старшина, – интересно.

Перевел глаза на следующего. Следующий был я.

– Фамилие! Выйти из строя, войти в строй! Направу! Налеву! Кругом! Строевым шагом марш!

Прижав руки к бедрам и высоко поднимая несгибающиеся ноги, я промаршировал несколько шагов.

– Стый! Кругом! Будешь меня приветствовать. Шагом марш!

Я сделал три нормальных шага, затем перешел на строевой, прижал левую руку к бедру, вскинул правую к пилотке, повернул в его сторону подбородок и начал есть глазами. Он небрежно вскинул руку к виску, отдал приветствие, скомандовал:

– Стый! Становись в строй!

Потом подошел поближе, спросил:

– Ты где проходил строевую подготовку?

– В Казанской спецшколе ВВС № 9, товарищ старшина!

– А как ты сюда попал? – кивнул он головой на наш строй.

– По недоразумению, товарищ старшина!

В строю захихикали.

– Разговорчики! – рявкнул старшина. – То-то, я смотрю, что вы все здесь по недоразумению, но ничего, я вас быстро вразумлю. На первый-второй рассчитайсь!

После третьей попытки мы рассчитались. Первые номера отправились со Щербиной на плац. Вторые номера остались со мной осваивать повороты и команды. Лучше всего у нас получалась команда «вольно», ее в основном мы и выполняли до возвращения первых номеров со Щербиной. Гимнастерки у первых номеров были мокрые от пота, лица красные и измученные. По щекам Эмиля Безверхнего текли слезы. После этого мы сменились: вторые номера ушли на муку со Щербиной, а мы стали тренировать команды «вольно» и «оправиться».

По возвращении вторых номеров Щербина построил роту, скомандовал «смирно», вызвал меня из строя и объявил два наряда вне очереди за халатное отношение к выполнению задания по строевой подготовке личного состава. Во время выполнения наряда вне очереди на кухне ко мне пришел Щербина и сказал:

– Ты не обижайся, служба есть служба. Не мог же я потакать тому, что ты разрешаешь им филонить.

– Не расстраивайся, старшина, каждый делает свое дело. Ты своё, а я своё. Не могу же я рычать на своих товарищей, каждый из которых в десять раз умнее меня.

– Да, – сказал он, – ну, ты и влип, шел бы лучше к нам.

– Уже поздно, – ответил я, – знать, не судьба.

На следующий день Щербина, отправив рядового Безверхнего в парикмахерскую, принял за рядового Корепанова. Витя Корепанов был человек деревенский, приехал в Ленинград из далекой Удмуртии. Гранит науки давался ему нелегко, но он грыз его с невероятным упорством и догрыз до пятого курса. Все уважали Витю за его трудолюбие, безукоризненную честность и природную доброту. Был он несуетлив и немногословен. Печатать строевой шаг, который в девятнадцатом веке назывался гусиным, есть глазами начальство и лихо щелкать каблуками было ему чуждо и противно. Повозившись с ним полчаса, Щербина, раскрасневшись от усердия и злости, построил роту и объявил рядовому Корепанову наряд вне очереди. Рядовой Корепанов выслушал и равнодушно молчал.

– Что надо ответить?! – взревел Щербина.

Ответить надо было – «есть, один наряд вне очереди», но рядовой Корепанов вместо этого сказал с сожалением:

– Мудак, ты Щербина!

Мы все оцепенели. Щербина открыл рот, закрыл, снова открыл и скомандовал:

– Разойдись!

Он вытащил из своего планшета блокнот, посмотрел на часы, что-то записал в блокноте, повернулся и пошел к штабу. Мы сгрудились вокруг Вити. У каждого была одна и та же мысль: «Что же теперь с ним будет?» Послonyaвшись до конца строевого часа, мы построились, как сумели, и отправились на стрельбище. Вскоре туда пришел дежурный по штабу и спросил:

– Члены комсомольского бюро есть среди вас?

Члены нашлись и отправились с дежурным в штаб. К обеду они появились в столовой мрачнее мрачного, сообщили, что после самоподготовки будет комсомольское собрание. На собрании было объявлено, что командование по рапорту старшины приняло решение рядового Корепанова отдать под суд за невыполнение приказания и оскорбление старшего по званию. Вместо диплома физика и звания лейтенанта перед Витей замаячил штрафбат. Сам Витя отнесся к происходящему индифферентно и сказал:

– Штрафбат – так штрафбат, не хуже, чем в колхозе. По крайней мере, есть каждый день дают и работа понятная.

На собрании ещё долго галдели, а я отправился на кухню выполнять свой второй наряд. Я чувствовал, что старшина Щербина снова придет после отбоя. И он пришел. Совсем не бравый, а ссутулившийся и поникший. Он сел рядом.

– Много тебе ещё осталось?

Я показал на целый котел нечищенной картошки.

– До подъема хватит, – успокоил он меня. – А кто этот? Он на вас вроде и непохожий.

– Он и есть непохожий, крестьянин он, колхозник из Удмуртии. На нем земля держится, а ты ему – «подбери задницу, шевели мослами». Он ведь шевельнет – от тебя мокрого места не останется, хоть ты и ГТО второй ступени.

– Так ведь под трибунал пойдет!

– Ну, не боится он твоего трибунала, не боится!

– А ты боишься?

– А я боюсь, и все бояться, а он не боится, потому что мужик. Ты сам-то из каких будешь?

– Я из военных.

– А, из этих, «не умеешь – научим, не хочешь – заставим». Не всех можно заставить. Объяснить – всем, а заставить – не всех. Еще Суворов говорил: «Каждый солдат должен понимать свой маневр». Потому он и был Суворов, а ты как есть старшина Щербина, так им и останешься, только звездочек тебе повесят, а в первом же бою и ухлопают.

Он вздрогнул:

– Кто?

– А эти самые, задницы подберут и убьют.

– Ты откуда знаешь?

– Отец рассказывал, он солдатом был.

– Мне тоже отец рассказывал, но про другое.

– Вот видишь, солдатская правда от командирской отличается, а солдат-то больше.

Щербина задумался:

– А у генералов, выходит, совсем своя.

– Какая тебе разница, твое дело «не хочешь – заставим», а не хочешь заставлять, тогда сам в штрафбат пойдешь, вслед за Витей. Там и встретитесь.

Щербина воткнулся в меня взглядом:

– Ты, это, кончай травить меня.

– А я и не травлю, сам напросился.

– Он извиняться будет?

– И не надейся.

– Что же теперь будет?

– Он пойдет в штафбат, а ты так и останешься тем, кем он тебя назвал. Так за тобой это и потянется. Тебя ведь тоже никто за руку не тянул рапорты писать. Назначил бы пять нарядов и спал бы себе спокойно, пока он тут пять ночей картошку чистит.

– Ну тебя к черту, – сказал старшина, – и поплелся в свою палатку.

Ситуация с Витей осложнялась еще и тем, что не был он комсомольцем и нельзя было ему строгача вклеить. Кто-то посоветовал – срочно принять и тут же вклеить, но это уже был полный бред, и коллективный разум помутился.

Тем временем занятия продолжались, Витю на губу не отволокли, старшина перестал называть задницу задницей и переименовал её в таз. Первый раз, когда он попросил подобрать его, все стали шарить глазами, где он лежит, чтобы исполнить команду. Пришлось старшине вызвать из строя рядового Гусева, хлопнуть по данному месту и объяснить, что это не ж..., не задница, не курдюк, а таз.

– Так и запомните с трех раз, – сказал он. – А это, – показал он с другой стороны, – не пузо, не брюхо, не арбуз, а живот. Равняться на него не надо, равняться надо на грудь четвертого человека, не первого попавшегося, а четвертого, и нечего тут лыбиться, то есть улыбаться. Все понятно?

– Так точно, – рявкнули мы.

– Вот и хорошо, что такие понятливые. А теперь на месте шагом марш! Запевай!

Это был удар ниже пояса. Из всех песен, которые мы могли спеть сообща, был только «Ёксель-моксель», и мы начали:

Ко мне подходит санитарка, звать Тамарка:
Давай те раны перввяжу, ёксель-моксель,
И в санитарную повозку, студебеккер,
С собою рядом положу.

Дальше шло уже коллективное дисциплинарное взыскание, но старшина не испугался, вывел нас за территорию лагеря, и там мы уже грянули во все сто двадцать глоток:

Летят по небу самолеты, бомбовозы,
Ёксель-моксель.

И далее по тексту. По окончании песни старшина сказал:

– А теперь чтобы к завтрашнему дню выучить такую, чтобы можно было в лагере спеть, ёксель-моксель, понятно?

– Так точно, – взревели мы.

К концу месяца, к собственному удивлению, мы уже сносно преодолевали полосу препятствий, обозначали прицеливание на «хорошо» и «отлично», кидали боевую гранату в окоп с чучелом и во всю глотку орали строевые песни.

Артиллеристы, Сталин дал приказ ...

Витя Корепанов очень громко и уместно свистел разбойничьим свистом на припеве. Только Володя Меркулов заснул на боевых стрельбах. Когда его нашли спящим на капонире, он открыл глаза и сказал:

– А чего такого, они стреляют так однообразно.

Они – это стомиллиметровые пушки-гаубицы. От звука их выстрелов на расстоянии полкилометра вылетают стекла в домах, но разбудить Володю на расстоянии пятидесяти шагов они не смогли. Володя получил последний наряд вне очереди, но исполнить его уже не успел. Мы уезжали из лагерей, пропыленные ветром, пропахшие пороховой гарью, уже не годные необученные, а офицеры запаса. Старшина Щербина как младший по званию отдал нам честь на перроне.

Через год мы пришли на выпускной вечер в Артиллерийское училище как лейтенанты к лейтенантам и сфотографировались со старшиной на память. С нами был и Витя Корепанов.

СИНХРОННЫЙ ПЕРЕВОД

Осенью 1965 года в Белграде должна была состояться большая конференция по «Явлениям в ионизованных газах». Явления эти чрезвычайно разнообразны, начиная от неоновой рекламы и до термоядерного взрыва. Поскольку в то время одной из самых актуальных проблем физики было осуществление управляемых термоядерных реакций, которые могли происходить только в полностью ионизованной плазме, то интерес к тематике конференции был всеобщий. Было решено, что, наконец-то, на эту конференцию поедет не жалкая горстка функционеров, а мощная представительная советская делегация, человек на сто. В этом году в Югославию начался массовый туризм, и было решено отправить всех желающих ученых как туристов за их собственный счет. Желающих нашлось сто сорок человек. Югославы были страшно рады, что после семнадцати лет остракизма русские братушки снова приедут к ним и начнется нормальный научный обмен, прерванный ссорой Сталина с Тито. Из-за такого количества «братушек» возникла проблема перевода. Шесть параллельных секций, по три переводчика на секцию – нет, такого количества синхронных переводчиков в Югославии не было. Оргкомитет обратился в нашу Академию наук с просьбой оказать содействие в переводе. Дирекция вызвала меня и Жору и спросила:

– Неужели не выручите?

Ни я, ни Жора до этого синхронным переводом не занимались. Жора был переводчиком от бога, но одно дело – переводить на семинарах, когда можно переспросить докладчика, а другое дело – сидеть в будке и переводить слово в слово человека, которого ты, как правило, не видишь, довольно плохо слышишь и который, может, сам не знает языка, на котором делает доклад.

Жора сказал:

– Можно попробовать, но за успех мы не ручаемся.

В себе-то, конечно, он был уверен, но мой потенциал оценивал довольно низко и никаких гарантий за меня давать не хотел. Дирекция добавила:

– Международный комитет ваш труд будет оплачивать, и затраты на поездку вы оправдаете.

Этот аргумент нам показался убедительным, и мы согласились.

По приезде в Белград нас нашел член оргкомитета Боже Аничин, ответственный за весь перевод, и притащил пачку докладов по нашей секции. Среди докладчиков было много японцев, немцев, поляков и разных «прочих шведов», для которых английский был чужим языком. Что такое переводить японцев на слух, мы уже знали по институтским семинарам. Однако здесь же они, наверное, будут зачитывать свои тексты? Боже Аничин, как бы видя нас насквозь, сказал:

– Безусловно, эти доклады читать никто не будет. Они предназначены для опубликования, а для вас они будут только для ориентации – чтобы знать, о чем речь. Доклады получены не все, многие привезут их с собой и сдадут в оргкомитет

прямо перед выступлением. Не все хотят, чтобы их доклады видели заранее. Тематика, сами понимаете, какая.

Физиономии у нас вытянулись. Боже понял, что он перестарался и решил исправить положение:

– Безусловно, ваш труд будет оплачен. Мы будем платить 48 тысяч динаров.

Значит, по двадцать четыре тысячи каждому, – быстро сообразили мы. Это была как раз сумма туристского обмена. Неплохо, но физиономии у нас по-прежнему оставались мрачными. Боже заволновался и добавил:

– Каждому по сорок восемь тысяч.

Жора пнул меня под столом ногой. Мы по-прежнему смотрели на Аничина безо всякого выражения.

– В день, – добавил он, – плюс за два дня подготовки. Хотя на самом деле у вас будет один.

Мы погрузились в вычисления: семь дней по сорок восемь тысяч динаров – это уже составляло четырнадцать туристских обменов на каждого и перекрывало пределы нашего воображения. Боже почти в истерике начал ломать руки:

– Я понимаю, что вы рассчитывали на доллары, но доллары мы платим только международным переводчикам из Атомного агентства, которые будут работать на пленарных заседаниях. Мы взываем к вашей социалистической солидарности и как к братушкам. Я обещаю вам, что мы введем коэффициент на инфляцию, чтобы вы могли получить по пятьсот тысяч динаров каждый. Это почти что соответствует международной норме.

Жора закрыл глаза и откинул голову на спинку кресла.

– Так я могу рассчитывать на вас? – С надеждой спросил Боже Аничин и буквально выскочил за дверь.

Жора приложил палец к губам, поднял глаза кверху, обшарил взглядом потолок, как бы высматривая на нем «жучки» и «зрачки», потянулся за своей курткой, я за своей, и мы молча вышли на улицу.

– Ты что-нибудь понимаешь? – спросил он меня.

– А чего тут понимать? Работать надо. Выходит, они нас расценили по международным нормам.

– Ничего, переоценят по местным, когда услышат наш перевод.

– Если услышат, – добавил я.

– Тогда пошли разбираться с материалом.

Мысль о том, что послезавтра мы сядем в будку, в которой нам уже никто не поможет, и вместо миллиона динаров мы получим пинок под зад, начала давить на нас все сильнее и сильнее. Вечером мы обнаружили, что ужинать не в состоянии, у обоих случился спазм пищевода на нервной почве. Мы купили себе по бутылке минеральной воды «Князь Милош» и по пятьсотграммовой плитке черного шоколада. «Князь Милош» и шоколад стали нашим рационом на последующие три дня. На четвертый день спазм стал отпускать, появился аппетит вместе с первыми навыками синхронного перевода. Но уже на второй день нас разлучили – Жору отправили в другую секцию, где профессионалы из Атомного агентства несли какой-то бред. Я остался один в своей будке. Понимать дословно, что говорят докладчики, я так и не научился, поэтому, зная, в общем, содержание доклада, устраивал себе вольное изложение на заданную тему. Иногда мои домыслы были далеки от текста докладчика. И когда ему задавали вопросы, он глубоко задумывался и предлагал встретиться в кулуарах.

Профессионалы из Атомного агентства были супруги Петровы – белоэмигранты. Он был по специальности кораблестроителем, и именно он построил самый знаменитый и самый быстрый французский лайнер – «Нормандия». Он был признан чудом кораблестроения и самым элегантным кораблем всех времен и народов.

Господин Петров знал несколько языков и по выходе на пенсию стал работать в Атомном агентстве. Мадам Петрова его всюду сопровождала и тоже работала синхронным переводчиком. Физика ионизованных газов была для них китайской грамотой, чего они и не скрывали.

Третьим переводчиком была Катя Ровенская – дочь полкового священника из армии генерала Врангеля. Она окончила Сорбонну, специальные курсы синхронных переводчиков в Женеве и была признанной звездой мирового синхронного перевода. Катя переводила в любую сторону на пяти языках – русском, английском, французском, испанском и немецком. Ее постоянно приглашали на конференции ООН, МАГАТЭ, на заседания Совета безопасности и всех других международных организаций. Ее график был расписан по дням на год вперед. Каждую неделю она перелетала из одной страны в другую. Ее перевод был произведением искусства. Голос на французском звучал, как у Мирей Матье – глубокий и хватающий за душу, с неповторимым раскатистым «ррр». На английском она звучала, как Вивьен Ли, на русском ... Наши участники говорили, что когда Катя переводила на русский, они просто слушали ее дивный голос, забывая о содержании. По-русски она говорила так, как в России уже давно не говорят, и к тому же с едва заметным французским акцентом. Она интонировала на наиболее значимых, по ее разумению, словах, придавая им какой-то особый смысл. Например, «электронно-ионные пары» несли в ее изложении какую-то загадку, неясно было, как они встретились, что их ждет впереди, сколько времени они пробудут в возбужденном состоянии, не скроются ли в «туннельном переходе», не сорвутся ли, очертя голову в «лавину». Мы и не подозревали до Кати, до чего романтична наша наука. Сам «акт лазерного излучения», когда перевозбужденный атом «испускает» и «истощенный сваливается в основное состояние» – это же сплошной секс в наушниках! Обалдевшие участники бегали слушать Катю, носили ей в будку воду, кофе, цветы, конфеты, любовные послания. Катя потом говорила, что подобного внимания ранее она удостоивалась только один раз, когда переводила Никиту Сергеевича в ООН и мгновенно находила английские эквиваленты его «кузькиной матери» и другим элоквенциям. «Самое трудное, – говорила Катя нам с Жорой, – было мгновенно подобрать соответствующий оригиналу народный английский слэнг, чтобы не упустить всей самобытности хрущевской речи и не обеднить впечатление. Многие переводчики опускают эмоциональную составляющую и теряют личность докладчика, которая иногда оказывается гораздо важнее самого текста. Я вживаюсь в докладчика, я его альтер эго, только на другом языке. Какое я имею право исказить его образ, часто неповторимый?»

Много позже я узнал, что одна австрийская писательница написала повесть «Я синхронный переводчик», где Катя была прототипом главной героини, которая подобно Кате, принадлежала всему миру и «жгла свою свечу» с обоих концов. Свеча горела ярко, но недолго.

На пятый день международная группа переводчиков забастовала из-за задержки зарплаты. Боже Аничин пришел к нам и спросил, будем ли мы с Жорой работать или присоединимся к забастовке. Для него наш отказ был бы равносильен катастрофе. С другой стороны, он хотел выбить из своих бюрократов все положенное и обещанное. Мы спросили, будет ли работать техника.

– Будет, с техникой проблем нет.

Мы переглянулись и сказали:

– С нами тоже проблем не будет.

– Тогда собирайтесь! Будете работать на самых важных секциях.

И мы пошли с Жорой в свои залы. В фойе, где был размещен бар, красиво бастовали международные переводчики и примкнувшие к ним местные кадры – невероятной красоты длинноногие, сероглазые, англо-русскоговорящие потомки белых офицеров, застрявших на Балканах. Мадам Петрова окликнула нас:

– Куда вы идете, господа? Разве вы не знаете, что мы бастуем? Присоединяйтесь к нам! И она показала на свой высокий бокал с соломинкой.

– Нет, – сказали мы, – там сейчас наши товарищи будут докладывать, мы идем на их секции.

– Вы хорошие товарищи, но плохие друзья, – припечатала нас Катя.

И мы – два штрейкбрехера – поплелись к своим будкам.

Вечером конференция кончалась. Всем переводчикам наконец-то выплатили зарплату. Нам с Жорой деньги разнесли по будкам. Дали каждому по большому полиэтиленовому мешку, набитому динарами. Каждый расписался, не глядя в ведомость и продолжая перевод. На заключительном заседании, где всех благодарили, особенно подчеркнули выдающийся вклад Жоры, который вынес на своих плечах основную тяжесть пленарных заседаний. Господин Петров сказал нам, что их группа приглашает нас сегодня вечером в ресторан отметить наше знакомство и начало совместной профессиональной карьеры. Мы обрадовались, что они не затаили зла за нашу измену, и охотно согласились. Господин Петров заехал за нами на своем немислимом «ситроене» и повез куда-то в высший свет. Катя с мадам Петровой уже ждали нас. Мадам Петрова сказала:

– Ну, раз вы теперь приобщились к нашей профессии – пора вам приобщиться и к нашей профессиональной «cuisine». Вы когда-нибудь пробовали «стейк-тар-тар»?

– Нет, – сказали мы честно, – не довелось.

– Вот, сегодня и попробуете. Это главное блюдо синхронных переводчиков, которое восстанавливает силы, как ни одно другое.

Господин Петров щелкнул пальцами: тут же появились шеф и его помощник. Они выкатили столики – на одном было блюдо с сочными кусками мяса, а на другом золингенские ножи в футляре и разделочные доски. Шеф кинул на одну из досок первый кусок, вынул из футляра сверкающий большой нож, выдернул из бороды волос и полоснул по нему ножом. Мы поняли, что нож должен был разрезать этот волос, но увидеть это было невозможно, хотя шеф, очевидно, увидел. Он удовлетворенно хмыкнул, одним ударом рассек кусок мяса, кинул половину помощнику, вынул второй нож и стал двумя ножами с невероятной скоростью рубить мясо. Мы расстроились. Рублеными шницелями мы наелись в физтеховской столовой, и не этого мы ожидали здесь, на эспланаде Хилтон-отеля. Постепенно шеф изрубил все куски в столовский фарш, посолил, поперчил, посыпал кубиками лука и полил прованским маслом. Затем он взял немного фарша серебряной лопаточкой, положил на тарелку и протянул господину Петрову. Ага, сообразили мы: прежде, чем жарить котлеты, дают попробовать фарш. Владимир Михайлович попробовал и одобрил, и шеф с помощником стали накладывать его на наши тарелки.

– Господа, – провозгласила мадам Петров, – это и есть «стейк-тар-тар», еда богов, воинов Чингисхана и синхронных переводчиков. Приятного аппетита!

На столе около нас оказались рюмки водки, мы их подняли, и Жора под столом протянул мне таблетку синтомицина, каким-то чудом оказавшегося у него с собой. Мы чокнулись, выпили и с отвращением ткнули вилками в сырой фарш. Они впились в нас глазами. С первой вилки было непонятно. Мы взяли по второй и по третьей.

– Ура! – закричали, заплодировали господа Петровы и Катя. – Состоялось! Господа, мы так рады. Мы выпили еще по одной. Стейк-тар-тар распрямил наши плечи, поднял подбородки. Мы почувствовали себя воинами Чингисхана, оседлавшими степных скакунов. Господин Петров сказал:

– Разрешите мне, мадам Петров и Кате сердечно поблагодарить вас за то удовольствие, которое доставила нам встреча с вами.

Ну, начинается, – подумал я, – вот тут-то они нам и припомнят забастовку. Жора тоже набряк. Он никогда ничего хорошего от жизни не ждал и в каждом внешне благоприятном событии видел начало неприятностей. А Владимир Михайлович продолжал:

– Вот уже сколько лет мы работаем с русскими-советскими, и всегда чувствуем с их стороны настороженность и отчуждение. Некоторые просто избегают нас, их, наверное, там инструктировали – держаться подальше от белоэмигрантов, врагов трудового народа. А вы первые советские, которые отнеслись к нам по-человечески, как к своим коллегам, а не классовым врагам, и мы заметили с вашей стороны не только уважение, но и ... симпатию. Мы с Катей посмотрели друг на друга, я наклонился к ней и чмокнул в щеку.

– Bravo! – закричал Владимир Михайлович, – официант, шампанское! Неужели там, где вас учили, вас не предупреждали, что семьдесят процентов международных синхронных переводчиков – это русские эмигранты и их потомки?

– Нас никто не учил, – сказал Жора, – мы сами.

– Вернее, меня учил Жора и вы, Катя, – добавил я.

Рано утром я провожал Катю в Белградском аэропорту. Она улетала на очередную конференцию в Южную Америку.

– Ариведерчи, мон шер, – раскатилась она своей бесподобной трелью и скрылась в толпе пассажиров по ту сторону границы.

Тем же вечером вся советская делегация отправилась на автобусах в турпоездку по стране. К нам с Жорой пристроился сотрудник института Химфизики Юрий Саясов. Он слыл знатоком немецкого языка и его тоже потянуло на синхронный промысел. Он надеялся с нашей помощью прильнуть к этому занятию. Юрий имел сильные претензии выглядеть как денди: на нем были кремовые шорты фабрики «Большевичка», сиреневые сандалеты ереванского пошива, бобочка и панамка. На носу у него гордо сидели темные очки в золотой оправе из анодированного алюминия. Всю дорогу в автобусе он читал толстый «New York Times», подобранный на остановке, и пытался заговорить с Жорой по-немецки. Жора терпеть не мог говорить на иностранных языках бесплатно или без большой нужды и недовольно морщился, слушая «киндердойч» херра Саясова. Жора предложил его именовать между собой: Херберт фон Саясов или просто Херберт. По приезде в Дубровник Херберт поселился с нами в квартире частного сектора и стал нашим постоянным спутником. Дубровник курортный город, и там, кроме пляжей, морских экскурсий и сувенирных лавок, было множество стрип-баров, казино и прочих злачных мест, куда пускали только иностранцев. В первое же заведение Херберта не пустили. Наметанный глаз вышибалы мгновенно распознал в нем соцлагерника, и его выгнали взащей. Нас с Жорой пропустили беспрепятственно. Из чувства солидарности мы тоже вышли и отправились в следующий вертеп. Там повторилась та же картина. Не солоно хлебавши мы вернулись домой, где Юрий-Херберт уже на пороге запричитал:

– Ну, почему, почему?! Ведь я одет, в отличие от вас, по-европейски, в руках у меня «New York Times», а вы оба, я извиняюсь, выглядите как охломоны, и еще эта кошмарная туристская сумка за плечами! Что только вы в ней таскаете? Ну почему, почему?!

– Надо не казаться европейцем, а быть им. В этом все дело, – сказал Жора. – А относительно сумки – бвана, покажи ему, что у нас в сумке!

Бвана – это так мы звали друг друга. На языке суахили это значит – господин. Чтобы быть бваной, требуется немного: никогда не терять чувства собственного достоинства. У бваны Жоры это великолепно получалось с самого рождения: он никогда не был пионером или комсомольцем, не приносил никому никаких клятв, и его терпели в Политехническом институте только потому, что он был безнадежным отличником. Конечно, мне было до него далеко, но я старался.

Несколько помедлив, я расстегнул сумку и показал Херберту два туго набитых динарами полиэтиленовых пакета с надписями «Гуля» и «Жора».

– Что это! – сдавленным голосом спросил Херберт.

– Деньги, – ответил Жора.

– Сколько же здесь? – выдохнул Херберт.

– Около миллиона.

– Вы что, миллионеры? – прошептал Саясов.

– Если быть точным – то хиллиардеры, – ответил Жора.

Один хиллиард равнялся тысяче динаров.

– Откуда? – спросил Юрий, озираясь на двери.

– Гонорар за синхронный перевод.

– И это все ваши?

– Нет, – поспешил ответить я, пока Жора чего-нибудь не брякнул лишнего, – большую часть мы должны будем сдать в Академию наук.

– А если вы потеряете? – спросил Юрий.

– Тогда мы долго будем бить тебя, пока не найдем, – ответил Жора.

Юрий посмотрел на нас. Наши лица выражали полную решимость исполнить обещанное. Жора уже несколько лет занимался культуризмом, и его бицепсы не оставляли никаких надежд бестелесному Юрию. Про себя я скромно умолчу, но своему полутяжелому весу в общем соответствовал. Мы все помолчали, каждый о своем, и отправились спать.

Утром после купания мы забыли сумку на пляже. По дороге домой Жора спохватился:

– А где, бвана, сумка?

Мы рванули назад, слава богу, под гору, перемахнули через забор, подбежали к месту, где раздевались, – сумки не было. Только из ближайшего мусорного бака высовывался какой-то знакомый хвостик. Мы бросились к баку, дернули за хвостик и ...вытянули сумку! Мы стали расстегивать молнию, ее заело – попал мелкий песок, но когда молния подалась, мы увидели два полиэтиленовых пакета «Гуля» и «Жора». Никому в голову не пришло, что в этой старой заношенной торбе мог находиться миллион динаров! Миллион, который мы собирались весь до последнего динара потратить в Белграде, не оставив родной Академии ни полушки.

Вообще, эта тема сдачи денег в Академию после заграникомандировок обошла нас стороной. Мы перестали бы себя уважать, перестали бы быть бванами, если бы позволяли грабить себя, как разрешали сотни других командированных. В конце семидесятых годов, кстати, выяснилось, что эти поборы были незаконными и шли в карман чиновникам иностранного отдела, игравшим на исконной запуганности и замордованности советского интеллигента. Примерно то же самое было и в спорте, и в искусстве. И это явилось одной из причин невозвращения гордых и постоянно унижаемых Олега Протопопова и Людмилы Белоусовой и многих других.

Через два года, летом 67-го, в Вене состоялась очередная конференция по «ионизованным газам». К этому времени мы с Жорой уже были профи. МАГАТЭ уже само пригласило нас в качестве основных синхронистов, и мы снова увидели супругов Петров и Катю Ровенскую. Петровы сильно постарели за эти годы, а Катя смертельно устала. У неё не хватало сил ни на что. Она много курила, пила черный, как деготь, кофе и добавляла туда Хеннеси. К вечеру она становилась уже никакая. Один раз мы все пообедали в столовой МАГАТЭ стейком-тартар, но это уже был не тот тартар, да и все было не то. А у нас с Жорой возникла коллизия, связанная с Хербертом фон Саясовым.

Австрийский оргкомитет захотел, чтобы ряд немецкоговорящих участников прочли свои доклады по-немецки с переводом на русский и английский. Для немецко-

английского была Катя, а для немецко-русского – наш академический Совет по физике плазмы рекомендовал Саясова. Оргкомитет согласился.

Как обычно, мы с Жорой поселились в одном номере, Херберт жил один. Уже с самого начала конференции он повел себя странно: на инструктаж не пришел, доклады не взял, а на второй день вообще не явился на работу. Пришлось Жоре бежать из нашей секции в саясовскую и переводить за него. Вечером мы поймали Херберта. Он был какой-то взвинченный, извинился, сказал, что перепутал время и что у него было какое-то важное свидание. Жора пообещал, что еще одно важное свидание, и на все последующие он без посторонней помощи ходить не сможет. В третий и четвертый день Саясов на перевод не являлся, Жора работал за него, а я – за Жору и за себя.

В последний день конференции Саясов, прячась от нас, появился в оргкомитете, схватил причитающийся ему по контракту гонорар и исчез. Мы с Жорой почувствовали себя нагло обворованными и решили перед возвращением в Москву у него эти деньги отнять и отлупить, главное – отлупить. Группа отправилась в путешествие по стране, мы остались в Вене редактировать доклады.

Но Саясов не появился. Вместо него появился наш консул и попросил открыть ему номер Саясова. Мы вошли в него вместе с консулом, комната была в беспорядке, но в основном личные вещи остались, и даже на видном месте лежал дорогой немецкий фотоаппарат. Увидев аппарат, консул меланхолично заметил:

– Советские люди без фотоаппарата не убегают. Сейчас, наверное, где-нибудь болтается под мостом в Дунайском канале с гирей на шее. Получил деньги, загулял, попал к арабам, и все – догулялся. Придется писать заявление в «криминал-полицию» об исчезновении. Неприятно. Забирайте его вещи, доставите на родину.

Проклиная этого несчастного Херберта фон, мы начали собирать его вещи и в ванной комнате обнаружили пузырек с какой-то остро пахнущей жидкостью. Консул понюхал и сказал:

– Дело дрянь – хлороформ. Это он взял с собой, чтобы усыпить соседа, когда будет убегать ночью. Кому-то сильно повезло. Нет, не болтается он с гирей на шее в канале и не едят его рыбы. Он уже в Бундесе и рано или поздно выплывет. Но в криминал-полицию все равно сообщать придется, а то они подумают, что мы им сюда крота подкинули. Теперь пускай сами ищут.

Руководитель делегации Матвей Самсонович переживал больше всех. Ведь именно он рекомендовал Саясова на роль переводчика. От огорчения Матвей Самсонович не поехал со всей группой – остался в гостинице и не выходил на улицу – боялся, что теперь будут следить за ним и в случае чего приклепают попытку к побегу.

В Вене стояла невыносимая жара. Возвращаясь с работы, мы заходили к Матвею Самсоновичу и выводили его погулять в парк, чтобы он немножко подышал свежим воздухом. У него было больное сердце, и мы опасались, как бы его не хватил инфаркт от этих переживаний и недостатка кислорода. Матвей Самсонович был безучастен к внешнему миру и все время бормотал одно и то же: «Что будет, что будет...» Мы утешали его как могли, рассказывали анекдоты из жизни Атомного агентства и убеждали, что лично ему ничего не грозит.

По приезде в Москву мы сдали багаж злополучного Херберта, написали свои объяснения и укатили в Ленинград.

Через несколько недель в газете «Известия» появилась статья «Невеста из ЦРУ» про нашего Херберта. В статье рассказывалось, как некая разбитная бабенка – жена одного из американских физиков – ездит с конференции на конференцию и соблазняет «морально неустойчивых» советских ученых, за что получает от ЦРУ вознаграждение. Очередной ее жертвой явился Саясов, которого она подцепила, пообещала выйти замуж, «поматросила и бросила». Безутешный Саясов вернулся

в Москву, где сотрудники института его единодушно осудили и с работы выгнали. Теперь он служит переводчиком в бюро технической информации.

Странно, что Саясова не посадили, а всю эту туфту сочли достаточным поводом для того, чтобы оправдать его побег с родины, да и еще из режимного заведения. С «невестой из ЦРУ» я встретился на следующий год в Стокгольме. При одном взгляде на нее было ясно, что ни о какой любви с первого взгляда не могло быть и речи. Впрочем, со второго тоже. И вообще, чем больше на нее смотришь, тем яснее становилось, что вся эта история – газетная утка. «Невеста из ЦРУ» была вполне почтенная пожилая гримза, которая действительно ездила со своим мужем, известным физиком, с конференции на конференцию и не отходила от него ни на шаг. Саясов действительно обратился к ним с просьбой о содействии в побеге. Они сообщили об этом в свой режим – и всё остальное уже было делом техники. В последний день конференции он с одним портфельчиком пришел в американское посольство. Там ему сказали, что его будут вывозить через границу на машине военной полиции под видом пьяного американского солдата, загулявшего в Вене. Влили ему в глотку бутылку дешевого венгерского виски, облачили в форму американского солдата, но тут вышел конфуз: таких шибздигов в американскую армию не берут, и форму пришлось ушивать прямо на нем. Потом его в бессознательном состоянии свалили на джип и повезли через границу на базу под Мюнхен. Когда он пришел в себя, его начали экзаменовать, чтобы решить, стоит ли его дальше ввозить в США или оставить на месте. В ходе экзамена выяснилось, что не стоит. «Великая американская мечта» быстро развеялась, и в конце концов Саясову было предложено место техника-лаборанта на химфаке одного из провинциальных университетов в ФРГ. Это была пощечина всей советской науке: кандидат наук, старший научный сотрудник престижного академического института потянул с трудом на лаборанта. В Академии этим обстоятельством шокированы были больше, чем самим фактом побега. Все это я узнал много позже от Матвея Самсоновича, которому показали все материалы по делу Саясова.

В 1968 году мы участвовали в конференции МАГАТЭ по термоядерному синтезу. Конференция проходила в новосибирском Академгородке. Это был самый разгар сибирских вольностей: кафе «Интеграл» с повсеместно запрещенным джазом, поэтические вечера, фестивали бардов, выставки неформальных художников. Кругом кишели молодые гении, к ним льнули крепкие сибирские девицы из стройгородка, аспирантки, абитуриентки и прочие фемины. В Академгородке были свои небожители – академики Лаврентьев, Будкер, Кутателадзе и другие знаменитости. Мировой термояд на этот раз приехал к Будкеру – основателю и директору Института ядерной физики. Готовились основательно: отремонтировали туалеты в номерах для иностранных гостей в гостинице «Золотая долина», покрасили «Интеграл» и купили туда новую ударную установку.

В Академгородок завезли из Москвы вагон девиц со знанием языков. Назывались они «интерлинго», и поместили их тоже в «Золотую долину». Больше никого из советских туда не пустили. Нас с Жорой тоже не хотели пускать, но мы сказали им, что понятие советский-несоветский к нам не относится, так как мы международные переводчики, и призвали для подтверждения директора конференции мистера Агню. К тому времени Агню был уже сильно взбешен результатами своей проверки технического обеспечения конференции. Все было хотя и широко по-сибирски, но безмозгло по-русски: микрофоны гнали на зал какой-то пароходный рев, зато в наушниках раздавался комариный писк. Переносные приемники ловили «Кукарачу» из кафе, но не доклады со сцены. Проекторы показывали на экране загадочные картинки из жизни других галактик вместо графиков и таблиц. А тут еще отказываются поселять его синхронных переводчиков, потому что привезли каких-то проституток из Москвы и мест якобы нет. Агню рывкнул – места нашлись, мы поселились.

Поначалу было морально тяжело, потому что «интерлинго» точно знало, что кроме них в «Долине» никого советских нет, и принялось на нас с Жорой оттачивать свое мастерство оболъщения. Надо отдать должное: кадры в «Интерлинго» были на высоте и свое дело знали. Это привело в дальнейшем ко многим коллизиям внутреннего и международного характера. Много лет спустя вспоминая Новосибирскую конференцию, зарубежные коллеги сладко зажмуривались и произносили волшебное слово «интерлинго». наших жеребцов от девиц отгоняли оглоблей, а одному, особенно озабоченному, так и сказали:

– Вы сюда работать приехали – вот и работайте. Они тоже работать приехали, и не мешайте им, а то быстро выкатитесь.

Местные комсомольцы, которые охраняли «интерлинго» от туземных посягательств, не разобравшись, поставили фингал под глазом начальнику термоядерного управления товарищу Лупандину. Тот без промедления предъявил фингал академику Будкеру и потребовал сатисфакции. Будкер вызвал медперсонал, который приложил примочку, а заодно взял кровь на анализ алкоголя. Анализ оказался очень положительным. В милицейском протоколе было зафиксировано, что начальник такой-то в состоянии сильного алкогольного опьянения учинил дебош, в результате чего местные дружинники вынуждены были применить силу. Протокол вылетел в Главатом, а начальник из Главатома. Но это все были события вокруг конференции. На самой же конференции тон задавала сибирская молодежь во главе со своим ребе Будкером. Официально его называли Андрей Михайлович, хотя на самом деле он был Гирш Ицкович, сын раввина из славного города Жмеринки. Сказать, что его любили в институте, – значит ничего не сказать: его обожали. Это он ввел знаменитый круглый стол в своем институте, на котором обсуждались все научные и хозяйственные дела и приглашались все, кто имел за душой что сказать, а у кого за душой ничего не было, тот быстро собирал манатки и выкатывался из Новосибирска.

Главным теоретиком термояда у Будкера был Роальд Сагдеев, тогда еще молодой доктор, в будущем молодой академик, директор Института космических исследований, советник Горбачева по вопросам космических вооружений и председатель Комитета советских ученых в защиту мира. Но это все было потом, потом, а пока он был даже не Роальд, а Ролик, хотя в термояде уже считался признанным классиком. На Новосибирской конференции как раз одним из главных событий был доклад Сагдеева о турбулентности плазмы: почему она не желает удерживаться и нагреваться, а бурлит и клокочет без всякого толка. В формулу, очень приблизительно и неточно описывающую турбулентность, он ввел новый член, который все поставил на свои места. Мы с Жорой сразу же назвали его членом Сагдеева и, поскольку в докладе он фигурировал много раз, каждый раз мы его живописали по-разному. Он был у нас и гибкий, и могучий, обладал скрытой потенцией и в конце доклада, когда мы, следуя за текстом, последний раз воткнули член Сагдеева в нужное место, зал просто повалился с кресел от хохота. Много ли нужно, чтобы развеселить тысячу задерганных ученых на занудном теоретическом докладе. В перерыве Сагдеев зашел к нам в будку и спросил:

– Что я такого смешного сказал? Почему так все ржали? Или перевод был неадекватным?

Мы отловили нескольких знакомых американцев и задали им этот вопрос в присутствии Сагдеева. Они в один голос заорали, что это был лучший доклад, который они слышали в своей жизни.

Сагдеев кое о чем догадался, но на рожон не полез. Он понял, что мы ему обеспечили паблисити и не погрешили научной истиной. В научный обиход этот член в уравнении турбулентной диффузии так и вошел как «член Сагдеева». Кто с чем входит в науку!

В Новосибирск для усиления группы перевода МАГАТЭ пригласило из ООН главного переводчика Совета безопасности господина Хлебникова. Я не знаю, родственник он или однофамилец несчастного Пола Хлебникова, которого убили в Москве. Он появился перед самым открытием, высокий, элегантный, с подстриженной щеточкой усов, как у сэра Энтони Идена. В руках у него был дорогой кожаный кейс с именной монограммой. Он открыл его. В нем стояла малоформатная коллекция избранных коньяков, несколько бутылок виски, серебряные стаканчики и еще какая-то дребедень, необходимая для успешного синхронного перевода. Он предложил нам выпить за знакомство – мы отказались. В отличие от наших зарубежных коллег, мы никогда алкоголь во время работы не употребляли – только минеральную воду и кофе, впрочем, от кофе мы впоследствии тоже отказались. Слегка расстроенный нашим отказом, он выпил «Джек Дэниэлс» один и сообщил, что сегодня переводить не будет, так как не выспался с дороги и подремлет у нас в будке, а заодно вникнет в тематику. За ланчем он недовольно поковырял вилкой свой шницель и спросил, может ли заказать стейк-тартар. Мы радостно сообщили, что нет. Он открыл саквояж и утешился еще одним «Дэниэлсом». Мы спросили его, не родственник ли он знаменитого русского поэта Велимира Хлебникова. Он ответил, что о таком поэте никогда не слышал, и прибавил важно:

– Мой батюшка – генерал-адъютант Его Величества.

Жора, который хорошо разбирался в придворной жизни последнего царя, заметил, что никогда не слышал о генерал-адъютанте с такой фамилией. Господин Хлебников слегка покраснел и сказал:

– Это очень похвально, что современная русская интеллигенция интересуется жизнью высшего общества, сама не имея к нему никакого отношения. Жору последнее замечание слегка задело, но он сдержался.

Назавтра Хлебников сел в резервную будку, мы прильнули к наушникам, и в эфире понеслось:

– Магнетические силы компрессируют плазму и приводят ее к полному коллапсу, но она, извиваясь, как флейта, бросается на стенку и погибает, разбрасывая фотоны от импюритивных атомов высоких степеней. У нас с Жорой отвисли челюсти, а потом мы гомерически расхохотались. (На языке физики это означало бы примерно следующее: магнитное поле сжимает плазму и приводит ее к схлопыванию, но в результате желобковой неустойчивости она вытесняется к стенкам и распадается с излучением фотонов от высокоионизованных примесных атомов.) Сразу же после доклада к нам в будку ворвался мистер Агню, которому наши академики уже настучали про магнетические силы, и сообщил, что мистер Хлебников от перевода отстраняется и весь его перевод передается нам. Потом появился сам мистер Хлебников и заявил:

– Как вы догадываетесь, я больше здесь переводить не буду. Главный переводчик Совета безопасности должен переводить либо блестяще, либо никак. Эти плазмы и протоплазмы не моя стихия. Оставляю их вам вместе с остатком моей коллекции.

И он открыл кейс.

– Между прочим, почему бы вам не приехать к нам в ООЭН и не поработать у нас. Нам нужны такие люди, как вы.

– Нет-нет, – сказал Жора, – это не наш профиль. У вас там своя терминология, своя специфика и глоссариум.

– Помилуйте! – воскликнул мистер Хлебников. – Какая там специфика, о чем вы говорите! «Агрессия справа – агрессия слева», «вооружение – разоружение», весь глоссариум не займет и двух страниц! Вам на полдня работы. Я могу поговорить.

– Но ведь мы физики, а не международники. Нас никогда туда не пошлют.

– Какие международники в ООЭН?! – снова возразил Хлебников. – Где вы их видели? Международники-таксисты, международники-гувернантки – да вы будете самыми образованными людьми в нашей компании. Вот вам моя визитка, будете в Нью-Йорке – звоните и заходите. Я познакомлю вас с топ-менеджментом.

На следующий год мы зашли с Жорой в ООЭН на Ист-Ривер. Господин Хлебников был в отпуске, в наших услугах никто не нуждался, да мы и не особенно стремились их предлагать.

Наша карьера синхронных переводчиков, начавшаяся в Белграде, продолжалась более двадцати лет. В 1976 году на Международной школе по физике лазеров мы с Жорой установили неофициальный мировой рекорд по длительности нон-стоп синхронного перевода: одиннадцать дней по шесть часов в день каждый. Как и любой рекорд, этот дался нам нелегко, и больше мы таких экспериментов над собой не проводили. Врачи считают, что нервные нагрузки при синхронном переводе сродни нагрузкам летчика-испытателя. И в том, и в другом случае от перегрузок люди иногда теряют сознание, испытывают продолжительные нервные стрессы, становятся инвалидами, но вместе с тем, преодолевая себя, синхронисты испытывают удовлетворение подобное тому, что испытывают спортсмены, победившие в беге на длинные дистанции или просто дошедшие до финиша.

Но рано или поздно звенит звонок – пора! – синхронист снимает наушники, выходит из будки и начинает жизнь нормального человека.